

Вчера в это время его отец, который обычно был в разъездах, позвонил и коротко сказал, что не сможет вернуться на Новый год, спросил, хватает ли ему денег, и повесил трубку. Гу Чэн уже не расстраивался из-за невнимательности отца, но, видя, как все вокруг празднуют, он чувствовал себя одиноким. Услышав звонок, он невольно подумал, что это отец, и, открывая дверь, испытывал смешанные чувства.

Каково же было его удивление, когда за дверью стоял человек, о котором он думал каждый день. Лу Цимин, запыхавшийся от бега, с легкой испариной на лбу, увидев его, широко улыбнулся:

— Гу Чэн, я пришел поиграть с тобой.

Гу Чэн почувствовал, как глаза наполнились слезами. Он с детства не был плаксивым, даже когда его обижали или избивали, он не плакал. Но сейчас, почему-то, ему захотелось обнять Лу Цимина и разрыдаться. И он действительно обнял его, крепко сжав губы.

Лу Цимин был удивлен, ведь в его представлении Гу Чэн не был таким эмоциональным. Но, увидев пустую гостиную и полное отсутствие праздничной атмосферы, он понял, что отец Гу Чэна не вернулся.

Как культиватор, Лу Цимин не придавал большого значения праздникам, но, вероятно, под влиянием родителей, он почувствовал, что Гу Чэн выглядит одиноким. В конце концов, это был его подопечный, с которым он провел полгода. Лу Цимин невольно возмутился безответственностью отца Гу Чэна и был рад, что заглянул к нему. Иначе мальчик остался бы один в такой важный день.

Гу Чэн продолжал держать Лу Цимина, пока Волчонок, которому надоело ждать у двери, не залаял. Мальчик вытер лицо, боясь, что Лу Цимин заметит его слезы, и пригласил его внутрь.

Увидев, как Гу Чэн торопится достать все вкусное из дома, Лу Цимин остановил его:

— Мне скоро нужно возвращаться, давай лучше спустимся и запустим фейерверки.

Лу Цимин подумал, что, раз другим детям нравится запускать фейерверки, то Гу Чэну тоже должно понравиться. Гу Чэн не стал возражать, у него было много фейерверков, и каждый год он запускал их в одиночестве, что было довольно грустно.

Лу Цимин посмотрел на свои фейерверки и на те, что купил Гу Чэн, и с улыбкой сказал:

— Твои выглядят очень круто.

Гу Чэн тоже улыбнулся, ведь в этом году он не будет один:

— Играй, они очень красивые.

Фейерверки Гу Чэна действительно были ярче, чем те, что купила Цянь Цзиньхуа. Они привлекали внимание соседей, которые редко покупали такие дорогие. Но Гу Чэн смотрел не на фейерверки, а на улыбку Лу Цимина. Ощущение пустоты, которое он испытывал, казалось, исчезло.

Однако прекрасные моменты не могут длиться вечно. Лу Цимин боялся, что родители начнут беспокоиться, если он задержится, поэтому, поиграв немного, решил вернуться. Гу Чэн хотел его удержать, но, видя, что тот не соглашается, предложил проводить. Лу Цимин отказался,

помахал рукой и ушел с Волчонком.

Гу Чэн стоял у подъезда, провожая их взглядом, пока они не исчезли из виду. В его сердце снова стало тяжело. Он хотел, чтобы Лу Цимин остался, чтобы всегда был рядом, но понимал, что это невозможно.

Гу Чэн опустил голову, волосы закрыли его глаза, и никто не мог увидеть его выражение лица. Через некоторое время он поднял голову, улыбнулся и, казалось, с радостью побежал наверх.

Лу Цимин не подозревал, что его невинный поступок окажет такое влияние. Он, будучи на четвертом уровне закалки ци, пробежал от города до деревни и обратно без усталости. Дети вокруг были слишком заняты играми, чтобы заметить его отсутствие, а родители Лу Цимина и вовсе не знали, что их сын был так смел.

— Гав-гав! — Увидев бегущего издали человека, Волчонок с раздражением залаял. За несколько лет он сильно изменился. По сравнению с тем временем, когда он был похож на хаски, теперь он выглядел величественно.

Постепенное пробуждение духовной кости замедлило рост Волчонка по сравнению с обычными собаками, но теперь он уже был внушительных размеров.

Влияние пробуждения кости также изменило его внешность. Большая часть шерсти стала черной, только лапы и хвост остались серебристыми, а белые пятна над глазами сохранились. Теперь он совсем не походил на глуповатого хаски.

К счастью, в деревне мало кто обращал внимание на чужих собак. Даже Цянь Цзиньхуа считала, что их собака просто хорошо питается, и не думала о культивации. По сравнению с детством, Волчонок стал более гордым. С родителями Лу Цимина он был вежлив, так как они были близкими родственниками хозяина, но с другими людьми он уже не позволял себя гладить или обнимать.

Пробуждение духовной кости постепенно возвращало Волчонку его гордость. Если бы он не был связан контрактом господина и слуги с Лу Цимином и не проходил ежедневные тренировки, он бы давно ушел от людей. Лу Цимин считал, что у демонического зверя или духовного питомца должна быть доля дикости, иначе все его усилия были бы напрасны.

Конечно, за эти годы Волчонок и Гу Чэн не стали друзьями. Во-первых, Гу Чэн излучал скрытую угрозу, которая настораживала Волчонка. Во-вторых, Гу Чэн был двуличным: в присутствии Лу Цимина он вел себя хорошо, но за спиной относился к Волчонку с пренебрежением. В целом, они терпели друг друга только из-за Лу Цимина, иначе бы разорвали друг друга.

Например, сейчас, когда Лу Цимин тренировался в горах, Гу Чэн, который обычно должен был оставаться в городе, каждый день приезжал на велосипеде, чтобы быть ближе к Лу Цимину.

Волчонок, увидев его снова, раздраженно залаял, понимая, что ничего не изменишь, и лег на землю, игнорируя Гу Чэна.

Гу Чэн, поставив велосипед, с радостью подбежал, не обращая внимания на недовольство Волчонка, и сказал:

— Сяомин, я пришел!

Лу Цимин уже привык к его утренним визитам. Сначала он пытался отговорить его, но Гу Чэн настаивал, что в городе тренироваться неудобно, а в горах лучше, и к тому же меньше шансов, что его заметят. Лу Цимин согласился, ведь во время тренировок он привлекал духовную силу, и Гу Чэн тоже получал от этого пользу. Поэтому он больше не возражал.

Увидев Гу Чэна, Лу Цимин не остановился. Он уже отточил движения Танца Небесного Демона до автоматизма, даже с закрытыми глазами выполнял их идеально. Этот танец не был сложным, но идеально подходил Лу Цимину. За эти годы его каналы ци расширились, а уровень закалки ци достиг девятого уровня, в шаге от десятого.

Гу Чэн, видя его холодность, не обижался, а начал тренироваться самостоятельно. В отличие от плавных движений Танца Небесного Демона, Тело Бога Грома было более жестким, напоминающим современные боевые искусства, но и риск ошибок был выше.

[Авторские примечания отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16350/1477824>